

УДК 821.161.3

С.Э. Сомов

ТЕМА БОЖЬЕГО СУДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОПЛОЩЕНИИ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Тема Божьего наказания необращенным грешникам развивается Белорусским архиепископом Георгием Конисским во многих его произведениях: интерлюдиях, пьесах, стихах и проповедях. Раскрытие этой

темы неразрывно связано с проблемой нравственной ответственности человека за свой образ жизни перед Всевышним. Весьма характерным в этом отношении является слово на день памяти святого Илии Пророка, датированное 1785 годом [1]. В соответствии с церковной традицией слову Георгий предпосылает эпиграф в виде достаточно пространной цитаты из Священного Писания: «Аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповеди его... прокляты житницы твои... плоды земли твоя. Семя много изнесеш на поле, и мало внесеши... виноград насадиши, и возделаеши, и вина не испиеш [2. Второз. 28, 15, 17, 18, 38, 39].

Поскольку в народном сознании восточных славян фигура древнего пророка была связана с сельскохозяйственной деятельностью и Илия воспринимался как покровитель небесной влаги, вымаливающий у Бога дождь для людей, именно день его памяти, второе августа (время жатвы), Георгий избирает для рассуждений о неестественно плохой погоде, постигшей белорусов неурожаем в 1784 году и грозящей еще большими бедами в год произнесения слова. Вспоминая непогоду минувшего года, Георгий подчеркивает, насколько тяжело люди переживали голод, причем если «имущественнейшие» граждане лишь только тратили больше денег на еду и дорого покупали хлеб, то бедные слои населения попросту питались мякиной и корой, отчего болели и находились на краю гибели.

Видя неблагоприятные погодные условия текущего года – непрекращающиеся дожди и холод, – также грозящие недородом и, соответственно, голодом, вполне возможно, еще более тяжелым, чем ранее, Конисский призывает паству не быть бесчувственными к этим знамениям, но попытаться уяснить причины происходящих бед, чтобы, по возможности, их отворотить. Мало знать о плохой погоде, утверждает Конисский, необходимо думать о том, кто стоит за этим: «Кто стужею и теплотою владеет, лиет, когда хочет, дожди и удерживает; растит хлеб и траву, или же напротив гноит и сушит их; благословит труды наши, или проклинает я...», – то есть думать о Боге [1, с. 168]. Но при этом проповедник призывает паству идти еще дальше в своих размышлениях и попытаться проанализировать причины того, почему благой по своему естеству Господь нередко так жестоко обращается с людьми, превращая в прах их великие труды.

Однозначной причиной неблагоприятных обстоятельств Конисский считает не закономерные природные явления как таковые, а человеческие «беззакония», вынуждающие Господа «ведро в ненастье и плодородие в голод претворять». Будучи одним из образованнейших людей

своего времени (Конисский был ректором Киево-Могилянской академии, профессором пиитики, философии и богословия), Георгий как святитель Церкви не согласен с выводами лишнего одухотворенности современного ему естествознания. Он приводит пример недавней полемики, произошедшей в Могилеве годом ранее с неким иностранцем, учителем детей (вероятно, домашним), зараженным ядом неверия и распространяющим его вокруг себя. Имя учителя в слове не указывается, что вызвано не столько деликатностью Георгия, сколько стремлением к типизации, к обобщению в этом образе всех современных ему ученых.

В ответ на христианские рассуждения о необходимости покаяния перед Богом в тяжелых жизненных обстоятельствах, этот безбожник, по мнению Георгия, выразил дерзкое и бесстыдное суждение о том, что «суетна – де молитва, когда так, а не инако заведен порядок натуры (т.е. природы, естества – С.С.) в самом создании мира; стужа и дожди по тому у нас, понеже в других странах света в самое сие время жары и бездождие» [Там же]. Отталкиваясь от аксиоматического утверждения, что «слепаго Бога никакая философия не приемлет», Георгий, по его словам, сумел поставить выскочку из «эпикурейского поросячьего стада» в тупик вопросом этиологического и сугубо религиозного характера, подкрепленным цитатами из Священного Писания: если Господь предусмотрел благополучные времена для праведников и наказание для грешников изначально, то неужели он не предусмотрел и возможность перемены зла к добру для исправляющихся в покаянии людей?

Понимание этого для Конисского является высшей философией, открывающей принципиальные закономерности мироустройства. С христианской точки зрения, в мире нет ничего случайного, происходящего только по законам природы, без вмешательства высшего разума Бога-Творца. Георгий призывает слушателей приступить к постижению «сей истинной и Божественной философии» и рассмотреть свидетельства Священного Писания о вездесущности и всевластии Господа. Он приводит несколько цитат из ветхозаветных книг Второзаконие и Книга пророка Амоса, в которых народу иудейскому прямо говорится о том, что беды засухи, града и губительного дождя посылаются волею самого Творца. «Тут кто не видит не случай какой, ни слепое Божие, что и подумать незаконно есть, в создании мира расположение, чтобы натуральные причины действовали сами собою, и суша одного места причиняла бы ливание дождей месту другому; но Сам Бог вся творит, и дождит, и сушит, хотя и посредством причин натуральных...» [1, с. 169].

Весь тварный мир Конисский сравнивает с часами, сделанными искусным художником. Но отличие пусть самого сложного и совершенного

механизма рукотворных часов от вселенского механизма бытия ему представляется именно в том, что мастеру (по Конисскому, «художнику») достаточно «сделать часы и их навести», а Богу необходимо непрестанно управлять «пружинами» мира, чтобы его порядок и гармония мгновенно не обратились бы в расстройство, в хаос.

Проповедник призывает паству к тому, чтобы в каждом явлении природы видеть не косвенную, а прямую волю Божию. Георгий приводит ряд цитат из псалмов царя Давида, которого называет философом, видящим «Бога присутствующаго» во всех созданиях. Так, солнечный свет представляется божественной одеждою, небо – «кожей», облака – колесницей, ветры – почтовыми конями. В данном художественном контексте грозные земные стихии и явления – огонь, снег, град, гром – становятся «армией» шествующего по миру Господа, «творящие слово Его, пушки ломовые – громы, и стрелы – молнии» [1, с. 170]. Вслед за пророком Амосом православный просветитель, в отличие от ученых-астрономов, призывает не ограничиваться видением явления, его закономерностей и последствий, но прозревать за объектом реальности Господа Вседержителя, поскольку не расположение звезд «топит» людей, а сам Бог, стоящий за этим расположением.

Однако здесь возникает справедливый и самый важный вопрос – почему? Что вынуждает Бога так немилосердно обходиться с земными людьми, его творением и объектом заботы? Ответ на этот вопрос Георгий находит в уже упоминаемой книге Второзаконие, в которой прямо засвидетельствовано, что Бог обещает народу израильскому всяческое благополучие, изобилие земных плодов, полные житницы, живительные дожди, но только с одним принципиальным условием: «...Хранити и творити вся заповеди Его» [Там же]. И напротив, грозит израильтянам всяческими бедами за непослушание и нарушение высшего закона. Используя ряд антитез, Конисский делает вывод, что «и благословение Божие и клятва (проклятие – С.С.), и изобилие плодов и скудость, и благорастворение воздуха и безгодное дождей лияние от нас зависят; первые от послушания гласа Господня и творения заповедей Его; вторые от преслушания заповедей Его» [1, с. 171].

Прибегая к доказательствам конкретного характера, Георгий вновь цитирует Амоса, через которого Господь судил и наказывал Израиль, и перечисляет ряд беззаконий, заставивших «Бога беззаконников казнить» [Там же]. На первое место проповедник ставит грех жестокосердия властьпридержащих к убогим беднякам. На основе шестой главы цитируемой книги Конисский описывает картину имущественной и нравственной развращенности древних аристократов (постели из слоновой

кости, сладострастие, обжорство, увеселения, дорогие вина, благовония), за которой всегда стоит преступление: лихоимство и неправосудие. Георгий, как пророк, категоричен в суждениях и в оценке греха утверждает, что к роскошной жизни ведет только беззаконие, только грех.

На второе место Конисский ставит «гнилейший плод» разврата и прелюбодейства. В грубых чертах, кратко описывает он это, говоря, как сын и отец, оскверняя Бога, «влязяху ко единой блуднице» [Там же]. Об этом постыдном грехе проповедник даже не хочет распространяться – так отвратителен он. Архиепископ только лишь заключает, что эти опустившиеся беззаконники в своем благополучии и гордыне так возносились, что приписывали его исключительно своей силе, а на Божье предостерегающее слово о наказании не обращали никакого внимания, «в посмех обращали». Но гнев Божий непременно преследует подобных самоуверенных гордецов: Конисский описывает грозную картину дня «наказания Господня», в который никто из отступников не может скрыться нигде, ни на земле, ни на небе, ни на глубине моря, ни даже в аду – везде настагает их кара Божия в облике льва, медведя, скорпиона, змея или человеческого оружия. Создается впечатляющий образ справедливого Божьего возмездия: «Отверзу очи мои на них во злая, а не во благая», – говорит людям Творец.

На основе сказанного Конисский еще раз повторяет вывод о том, что состояние мира зависит именно от человека, от его внутреннего состояния греховности или чистоты. Мотив часового механизма получает свое развитие в том, что сложный механизм мироздания, созданный Богом, отдан в руки человека, и люди сами заводят его так, как захотят: «Благо убо творящее, в пользу вам заводите и зло творящее, заводите на вред и погибель вам» [1, с. 172]. Таким образом открывается, что Георгий вовсе не оперирует метафизическими категориями и мифологическими образами бога-громовержца, мечущего стрелы-молнии в прогневавших его безбожников, а говорит о некоей диалектической связи между волей творения и волей Творца.

Обращаясь непосредственно к белорусской пастве как к «новому Израилю», носящему имя богоизбранности, Могилевский архиепископ призывает слушателей прийти, наконец, в чувство и здраво рассудить, насколько сказанное пророком Амосом о древних людях актуально для сегодняшнего дня. Пророчески жестко Георгий говорит о современном ему обществе, указывая на роскошь, пиры, пляски и маскарады, которые не только отнимают и имущих память о бедных, но и являются главной причиной этой бедности; свидетельствует о судебном взяточничестве, волоките; с горечью сокрушается

об отсутствии целомудрия и смирения у женщин и достоинства у мужчин в семьях.

«...Признать долженствуем, – говорит Святитель, – что город наш сей, хотя прежде был во утеснении за веру, хотя не был столько благолепен строениями, щедрый деньгами, наполненный разъезжающими каретами, веселыми пирами и плясками, однако при всем том был целомудреннейший: теперь можем о городе нашем тое говорить, что Исая об Иудейских городах: наполнися страна их сребра и злата, и не быше числа сокровищ их, и наполнися земля их коней, и не быше числа колесниц их: но при всем том наполнися земля мерзостей дел их (Ис. 2, 7)» [1, с. 172–173]. Картина разбогатевшего, но и развратившегося вместе с этим Могилева, заливаемого дождями, становится эмоционально окрашенной кульминацией слова. Георгий риторически восклицает: «О любострастия содомскаго! о превращения студнаго, владычество в рабство и рабство во владычество!» [1, с. 172].

Образ льющего дождя, губительного для посевов, преломляется в символ очищения города и людей. Оказывается, что дождь потому льет, что Бог хочет омыть человеческий грех, и стужа потому приходит в жаркое время, что Бог стремится остудить «любодейством кипящия сердца». Георгий находит в людях ту же самую древнюю горделивость, в которой неблагодарные люди все свои победы, удачи и прибыли приписывают только своей силе, даже в день гнева Божьего надеясь не на милость Творца, а на собственные ухищрения, на заключение выгодной сделки с адом и со смертью.

Что же тогда остается делать вменяемым гражданам в ситуации столь нравственно невменяемого общества? По мысли Георгия, только то, чего требует от человека Бог – «ищите, говорит, Мене и живите благополучно». Могилевский Святитель призывает паству к добру, к праведности и смирению, к посту, к духовному оздоровлению. Он молитвенно призывает Бога обратить проливной дождь в слезы покаяния и в ответ на обращение людей к истине послать им в изобилии и хлеб, и вино, и радость. Пастырь надеется, что в обращенном народе по достоинству пребудет Божья благодать, а не Божий суд.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисскаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и Литография Я.Н. Подземскаго, 1892. – С. 167–174.
2. Библия или книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго завета. – Москва : Крон-Прессе, 1991. – 1526 с.